

УДК 316.75

СУБКУЛЬТУРА И НАСИЛИЕ: ОТ АГРЕССИИ К ДЕСТРУКТИВНОСТИ¹

Илья Юрьевич Роготнев

к. филол. н., старший преподаватель кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. rogotnev05@mail.ru

В статье анализируется взаимодействие насилия с глубинными символическими традициями молодежных субкультур. Насилие рассматривается как многоуровневый феномен, подлежащий более или менее полному субъективному и культурному освоению. На основании сравнительного анализа нескольких субкультур делается вывод о связи насилия с двумя различными поведенческими программами – агрессией и деструктивностью

Ключевые слова: субкультура; насилие; молодежь; идеология.

Вопрос о роли и функциях насилия в современных субкультурах достаточно широко освещался в специальной литературе. Практики и символы насилия в значительной мере конституируют символическое пространство и социальные границы контркультурных сообществ. Некоторые субкультуры (например, субкультура тюрьмы или, в значительной мере, солдат срочной службы) тяготеют к расположению в «зонах насилия» – таких социальных пространствах, которые не исключают насильственные практики, а, наоборот, востребуют последние для построения иерархий, статусов, системы коммуникаций и достижения основных целей сообщества (см.: [Щепанская 2001]).

В настоящей работе предпринимается попытка интерпретировать насилие как то, что подлежит усвоению и «овнутрению», проникает в глубокие пласты символической традиции и ментального мира. Речь пойдет о своеобразной **герменевтике насилия**, в то время как большинство известных нам исследований сосредоточились на адаптационных и социально-прагматических аспектах данной «поведенческой универсалии» или же применении насилия в различных формах социального конструирования (прежде всего, конструирования маскулинности).

Материалом для исследования послужили три группы субкультурных явлений: 1) локоцентрические мужские сообщества (распространенное самоназвание – *пацаны*, расхожий экзоним – *гопники*); 2) группировки и сообщества, вовлеченные в достаточное аморфное на сегодняшний день националистическое движение (консолидированно проявляющее себя преимущественно на

«русских маршах»); 3) группы, наиболее глубоко вовлеченные в осознанную контркультурную деятельность (в данном случае мы рассмотрим этот феномен на примере *скинов* и *нацболов*).

1. Теоретическое обоснование проблемы

Поставленная проблема вряд ли будет понятна вне контекста теоретических дискуссий, определивших проблемное поле современной культурологической мысли. Традиция французского структурализма – одна из наиболее продуктивных парадигм социальной антропологии – исходит из различения категорий «реального», «символического» и «воображаемого». Клод Леви-Стросс, считая базовой социальной реальностью «символическое» (здесь уместна тавтология: символическая реальность реальнее, чем само «реальное»), стремится определить общество как язык и систему обмена (словами, вещами и женщинами), т.е. свести общество как систему к тотальной коммуникации и предложить, таким образом, универсальную объяснительную модель. Мир «воображаемого» (часто связываемый с религиозными образами, но не тождественный им) представляется французскому классику вторичным по отношению к символам и отношениям, возникающим и функционирующим по независимым от человеческой воли законам (языки и мифы создают, трансформируют и транслируют себя сами). Все общество предстает как набор связанных символических структур, вовлекающих людей в отношения упорядоченного обмена.

Сколь бы скептически мы ни относились к теоретическому наследию классика французского структурализма, оно, определенно, имеет высо-

кую научно-исследовательскую ценность, которую парадоксально определил Э. Лич: «Леви-Стросс зачастую умудряется подарить мне ряд идей даже в том случае, если я, положив руку на сердце, не очень понимаю, что же именно он говорит» [Лич 2006].

В свете концепции К. Леви-Стросса возникает теоретический соблазн истолковать и насилие как особый язык и практику обмена. Подобного рода попытки время от времени появляются, хотя и носят часто неконкретный и чрезмерно «эссеистический» характер. Показательны, например, рассуждения М.Н. Липовецкого, который считает насилие едва ли не основной формой коммуникации в отечественной культуре, а так называемый «беспредел» сравнивает с потлачем – известной в традиционных обществах практикой дарения, приобретающей характер иррациональной страсти дарить и жертвовать имуществом в гигантских размерах [Липовецкий, Броймерс 2012: 46–49].

Развивая подобного рода параллели, нельзя, однако, игнорировать развитие культурологической теории после К. Леви-Стросса. Морис Годелье в своей знаменитой книге «Загадка дара» выдвигает полемический по отношению к структурализму тезис: «За пределами сферы обменов существует другая сфера, состоящая из всего того, что люди считают себя обязанными изъять из обмена, взаимности, соперничества, то, что они должны хранить, защищать, даже обогащать» [Годелье 2007: 48]. Как показывает его анализ, изъятые из обмена концентрируют в себе **воображаемое** и нередко напрямую связано с культурными представлениями.

Может ли существовать насилие, которое не обменивают, а хранят – своего рода **насилие для себя**, обеспечивающее непрерывность самознания и глубинную идентичность? Рассматривая субкультуры скинхедов и нацболов, мы попытаемся обнаружить именно такую форму насилия, которое остается сокрытым и укореняется в воображаемом, существуя наряду с насилием реальным и символическим.

Представления о многоуровневом характере насилия уже высказывались в социальной науке. Известный исследователь и теоретик миротворческой деятельности Йохан Галтунг выделяет насилие физическое, структурное (отношения неравенства и эксплуатации) и культурное (образы и идеи, легитимирующие прочие виды насилия) [Галтунг 1995]. На наш взгляд, данная типология явно коррелирует со структуралистским треугольником «реальное – символическое – воображаемое», хотя язык французской теории культуры представляется глубже и адекватнее в

отношении таких сложных объектов, как общество и культура.

Таким образом, **понимание насилия** в различных субкультурах может осуществляться как исследование его перемещений и трансформаций в пространстве «реального/физического – символического/структурного – воображаемого/культурного».

2. Контркультура и конформизм

В российских и зарубежных исследованиях субкультуры особый интерес уделяется вопросам изучения молодежных сообществ. Нередко само понятие «субкультура» по умолчанию трактуется как «молодежная субкультура». Такое положение дел вполне закономерно: именно молодежь является наиболее плодотворной социальной силой в плане создания новых идентичностей, сленга, образов жизни, городских мифологий, кодов одежды и субкультурной атрибутики.

Т.Б. Щепанская объясняет феномен «субкультурности» молодежи следующим образом: «Возникая на базе маргинального слоя молодежи (а в кризисном, переходном, обществе в этот слой попадает едва ли не большинство ее), субкультурные образования объединяют людей, которые уже вышли из-под влияния семьи и школы, но не обрели еще постоянный статус во взрослом мире (своей собственной семьи и профессии). Эти люди оказываются вне сферы действия общественных институтов – в зоне анонии (нормативной неопределенности), всегда связанной с промежуточным положением в социальной (репродуктивной, профессиональной) структуре. Идущие в этой среде процессы самоорганизации приводят к образованию субкультурных сообществ со своими нормами, символикой и границами. Обретение молодым человеком статусной определенности в рамках “большого” общества приводит, как правило, к его выходу из субкультурной среды» [Щепанская 2003: 35].

Молодежная субкультура, выламываясь из системы социального порядка и нормативной культуры, создает мир контртрадиции, опровергающий и переворачивающий «взрослые», «официальные», «признанные» культурные нормы и стереотипы. «<...> течения молодежной контркультуры (хиппи, йаппи, новые левые) требуют сознательного отказа от системы традиционных ценностей и замены их контрценностями...» [Левикова 2010: 9]. Противопоставляя себя обществу, молодежные субкультурные группы нередко востребуют насилие как наиболее радикальную форму такого противопоставления. В этом смысле мы можем считать насилие своего рода показателем степени контркультуры внутри субкультуры.

Некоторые исследователи отмечают снижение контркультурного пафоса молодежной культуры, приводя в пример современных хипстеров как образец подчинения культурному мейнстриму [Чибисова 2010]. На наш взгляд, молодежные субкультуры можно расположить на некоторой условной шкале «контркультура – культурный конформизм», крайние позиции на которой могли бы занять, к примеру, скинхеды и хипстеры. Кажется очевидным, что насилие востребуется движениями, принадлежащими к контркультурной части спектра, однако это утверждение требует уточнения и учета достаточно важных нюансов.

3. Насилие как реальное (*пацаны*)

Сообщества молодых людей, связывающих свой досуг с улицей (а не с домом), можно разделить на локоцентрические (организованные на основе общей территории) и идеоцентрические (объединенные вокруг общих символов). Группы уличной молодежи, возникающие преимущественно на городских окраинах, чаще всего называют себя *пацанами*. Пожалуй, впервые они стали полноценным объектом этнографического изучения в работах Д.В. Громова, на которые мы и будем опираться в нашем кратком описании. Кроме того, нами привлекаются полевые материалы В.С. Згоржельского, записанные в рамках исследовательских проектов под руководством Е.М. Четиной и И.Ю. Роготнева на территории поселка Оверьята Краснокамского района Пермского края.

Д.В. Громов отмечает, что слово *пацан* служит одновременно самоназванием и обозначением некоего поведенческого образца, воплощающего идеальные представления о мужественности. «При рассмотрении уличных пацанских группировок необходимо учитывать, что одним из основных факторов их бытования является *конструирование маскулинности*. <...> их деятельность связана с выработкой образа взрослого, “настоящего” мужчины» [Громов 2009а: 59].

Маскулинность конструируется в данной субкультуре именно за счет регламентированного насилия. «Правильный пацан» проявляет себя в силовых столкновениях и конфликтах, в том числе длительных межгрупповых «войнах». «Пацан» умеет, однако, не только постоять за себя, но и ограничивать свое поведение определенной этикой. «В группах, декларирующих ограничения на насилие, значимой чертой конструирования маскулинности является контролируемость мужской агрессивности» [там же: 59], «насилие направляется, ограничивается и оправдывается традиционными представлениями о мужской чести» [Громов 2009б: 107]. Наличие

«правил насилия» предопределяет четкое разделение понятий *пацан* и *отморозок*.

Объектами насилия, как правило, становятся сверстники, нарушающие границы субкультурной территории (например, компания пацанов из другого района) или определенные принципы социального поведения (поводом для драки может послужить неформальный стиль одежды противника).

В полевых материалах В.С. Згоржельского содержатся любопытные сведения о «войнах» между пацанами и неформалами. Пацаны не считают неформалов своими врагами – наоборот, они видят в них «таких же пацанов», которым требуется, однако, внушить правильные представления о внешнем виде и музыкальных предпочтениях. Наиболее воинственно настроены как раз неформалы (никогда не выступающие, впрочем, инициаторами драк), четко идентифицирующие пацанов как угрозу своему жизненному стилю.

Насилие в пацанских сообществах предстает, прежде всего, как «реальное», как воплощение в повседневной жизни норм и правил мужского поведения. Пацан воображает, прежде всего, «образ пацана», который может наделяться характерными эпитетами «нормальный», «правильный» и т.п. Уровень контркультуры в практиках пацанов кажется высоким лишь на первый взгляд: в действительности, пацаны склонны культивировать норму. Распределение территориальных и репродуктивных ресурсов («девчонок»), унифицированные способы одеваться и общаться, соблюдение возрастных, половых и прочих статусов – вот что определяет социальные структуры, воспроизводимые пацанами посредством индивидуального и коллективного насилия.

Если попытаться определить базовую ценность пацанской культуры, то ей, несомненно, окажется, наряду с мужественностью, порядок. Высшим идеалом их неформальных антагонистов (в поселке Оверьята неформальные объединения образуют общую *тусовку*) остается свобода. Если определить этот ценностный конфликт на языке «русского воображаемого», то мы возвращаемся к древнему спору о законе и благодати.

4. Насилие как символическое (*националистическая движуха*)

Националистическое движение вовлекает в себя в основном группы молодежи, в социально-культурном плане близкие к пацанским объединениям. Тексты, размещаемые в социальных сетях, материалы личных бесед и визуальных наблюдений за активистами националистического толка в Перми позволяют утверждать, что с

пацанами их объединяют общий стиль одежды, музыкальные пристрастия (сегодня это в основном популярные рэп-коллективы и исполнители) и формы досуга (футбол и вообще спорт).

Националистические настроения стягивают молодых людей не столько в организованные сообщества, сколько в широкую *националистическую движуху* (термин, употребляемый самими активистами), которую в Перми образуют движение «Русская Пермь», футбольные фанаты, представители националистических партий «Новая сила», Национал-демократическая партия и другие, собирающиеся в наиболее многочисленном составе на «Русских маршах». Применяя реальное насилие или избегая его, молодые националисты, так или иначе тяготеют к насилию символическому. Базовая структура, актуализирующаяся внутри *движухи*, – «свой – чужой».

О повестке дня «Русского марша – 2013» можно судить по материалам, подготовленным идеологами русского национализма к несостоявшемуся митингу в Москве (опубликованы в Живом Журнале). Владимир Тор: «На стороне великой русской нации – множество европеизированных нерусских народов России. На стороне Орды – варварство из Азии и Кавказа. Это столкновение двух миров, двух разных типов ценностей. Мы различны – наши ценности, наши представления о жизни фатально не совпадают с их ценностями, с их представлениями о жизни...» [Тор: электр. ресурс]. Михаил Беляев: «Там, в Кремле, засели люди, что цепляются за Азию. Цепляются крепко. Ведь они надеются завести сюда как можно больше новых поданных, и с помощью этой новоявленной орды удерживать над нами власть» [Беляев: электр. ресурс]. Вводимый концепт *новая орда* актуализирует символическую границу между Европой и Азией, под которой понимаются, в первую очередь, Кавказ и среднеазиатские государства.

Национализм, вслед за Бенедиктом Андерсоном (см.: [Андерсон 2001]), можно определить как своеобразный тип социального воображения, как активное символическое и социальное конструирование нации. Именно последняя находится в зоне «воображаемого», предопределяя резкое очерчивание символических границ между своими и чужими. Нельзя не отметить, что в России достаточно сильны националистические идеологии, осваивающие «западную» границу, противопоставляющие русских европейским нациям, однако сегодня молодежную националистическую движуху конституирует воображение «русской Европы» в столкновении с «азиатской ордой».

Контркультура если и присутствует на «русских маршах», то теряется в общем потоке куль-

турных кодов и стереотипов, отступающих перед необходимостью продемонстрировать русскую общность.

В то же время следует отметить использование дополнительных кодов, понятных участникам движухи, но не всегда очевидных для большинства граждан. Один из лозунгов сетевого национализма – «Разжигай, но помни!», намекающий на 282 статью УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства». Активисты склонны скрывать наиболее радикальные лозунги, вырабатывая для них своеобразный эзопов язык. На «Русском марше – 2013» в Перми активно использовался лозунг «Слава героям! Героям слава!», отсылающий к приветствию пронацистского ОУН-УПА. Показательна песня «Белая любовь», исполненная на пермском митинге. Дуэт с трибуны митинга исполнял припев: «Я подарю тебе 14 нежных слов, я поцелую тебя 88 раз, и ты почувствуешь мою белую любовь...» Числовой код 14/88 является одним из символов неонацистского движения, введенным американским идеологом белого расизма Дэвидом Лейном.

Само по себе использование эзопова языка говорит о сформированных внутренних, скрытых символических структур, не предполагающих публичной демонстрации.

5. Насилие как воображаемое (*скины и нацболы*)

Мы подходим к вопросу о насилии «овнутреннем», «воображаемом», предстающем нередко в облике священных символов и образов. В данном случае мы вынуждены опираться главным образом на собственные предположения, подкрепляя их отсылками к более или менее известным фактам. Согласно нашей гипотезе, внутри молодежного протестного движения формируются относительно небольшие группы, обладающие экстремальной степенью контркультуры и тем самым «насилием», которое не подлежит обмену.

К насилию «воображаемому» отсылает, в частности, идеология *скинхедов-наци* (доминирующей по численности скин-культуры в России). Культовые журналы скинов («Под ноль», «Отвертка» и др.), знаменитые тексты вроде «Азбуки славянских бритоголовых» или лирики Сергея Троицкого (Паука) возвеличивают насилие, воспроизводят мифологию чистой крови и конструируют неоязыческие мифологемы. Не останавливаясь на этих, достаточно широко известных, аспектах субкультуры скинов, отсылаем к обзорным работам по скин-движению [Беликов 2002; Шнирельман 2010].

Сложнее обстоит дело с субкультурой *нацболов* (национал-большевиков, *лимоновцев*). Это

политическое движение можно назвать самым креативным. Наиболее яркие лозунги нацболов: «Ешь богатых!», «Сталин, Берия, Гулаг!», «Да, Смерть!» В эпатажной и эстетически заостренной форме лозунги отсылают именно к насилию, но к насилию, культурно переработанному, символически преобразованному в яркие образы. Неслучайно партийный печатный орган нацболов «Лимонка» рекомендовал к прочтению не только тексты основателей партии Эдуарда Лимонова и Александра Дугина, но и труды Юлиуса Эвола и Рене Генона. Глубинное насилие требует философско-метафизического основания.

Основным источником мрачной метафизики нацболов были тексты Александра Дугина, впоследствии отошедшего от руководства движением. Лидер движения отсылал в своих текстах к философии радикализма, ультраконсервативным мыслителям и мифологеме «Третьего Райха» [Дугин: электр. ресурс]. Дугину традиционно приписывается авторство стихотворений, подписанных именем Александра Штернберга (опубликованных на одном из дугинских интернет-сайтов «Арктогея»). Хотя мыслитель публично отрицает свое авторство, хотелось бы привести некоторые строки стихотворения «Нежданный никем Аватара», демонстрирующие, на наш взгляд, репрезентации насилия как воображаемого: *Я иду на Восток, обнажив крест раскинутых рук, а в глазах моих Запад, фиорды и сумрачный берег* (намек на восточный поход Гитлера); *Нет прекрасней страны той, что вы называете «адам»...* (в данном тексте немало отсылок к демоническому). Финал стихотворения реализует открытый синтез образов философского гностицизма и исторического фашизма:

*Демидург перед сном
разольет
свое желтое
семя,
и над шеей его
вспыхнет
красной улыбкой топор.
И немые солдаты,
что так бесполезно погибли,
установят на троне из льда двухголовый
скелет...
Из замшелой могилы
восстанет
сияющий Гиммлер
и туманом глазниц
обоймет Абсолютный Рассвет.*
[Штернберг: электр. ресурс]

В данном случае мы не можем утверждать, что столь радикально мрачное мироощущение

охватывает значительную часть активистов протестных молодежно-политических движений скинов и нацболов. Мы склонны полагать, что подобные символические структуры (овнутреннее насилие) осваиваются меньшинством посвященных, глубоко проработавших идейные основы движения.

Агрессия является совершенно естественной поведенческой программой для молодых людей, объединяющихся в контркультурные движения. Однако, наряду с агрессией, существует другой культурно-психологический феномен – деструктивность, описанная Эрихом Фроммом в том числе на материале символов, речевого поведения и литературных текстов. Ряд наблюдений знаменитого психолога дают ключ к образам воображаемого насилия (следует, однако, выводить за скобки сугубо психоаналитические, фрейдистские, мотивы в описании Э. Фромма): «Для них мать – только символ, скорее фантом, чем реальная личность. Она представляет собой символ земли, родины, крови, расы, нации, истока, корня, первопричины... Но одновременно мать – это символ хаоса и смерти, она несет не жизнь, а смерть, ее объятия смертельны; ее лоно – могила <...> Здесь речь идет о каком-то магнетизме, о мощном притяжении демонического характера» [Фромм 1998: 313].

Выводы

Мы рассмотрели три группы субкультурных образований, в разной мере опирающихся на насилие. Лишь последняя группа носит радикально-контркультурный характер, связь этого субкультурного субстрата с насилием можно определить с помощью термина «деструктивность» (в противовес большей или меньшей агрессии иных субкультурных объединений).

Мы хотели показать, что за внешним насилием могут стоять различные объекты воображения, осуществляющие процесс идентификации молодого человека. Пацаны, чья повседневная жизнь в значительной мере организована насильственными столкновениями со сверстниками, воображают идеальный образ мужественности и реализуют глубинную ценностную установку на порядок. Активисты, вовлеченные в молодежное националистическое движение, воображают нацию – по всем правилам социального воображения, описанным Б. Андерсоном и другими исследователями. Насилие же в данном случае переходит на уровень социальной структуры (который близок к леви-стрессовскому «символическому»), на взаимоотношения с инациональными группами. Самой загадочной формой насилия является насилие как воображаемое, отсылающее к оккультно-фашистским символам и архетипам деструктивности.

Между тремя группами субкультурных явлений обнаруживается определенная социально-генетическая преемственность: именно пацаны преимущественно рекрутируются в националистическое движение и радикальные контркультурные группы. Насилие проникает из «реального» на более глубокие уровни, охватывая базовые структуры идентичности.

Примечание

¹ Исследование выполнено в рамках гранта, финансируемого по тематическим планам по заданию Министерства образования и науки РФ 6.5442.2011 «Дискурсы насилия в современной культуре».

Список литературы

Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. М., 2001. 288 с.

Беликов С. Бритоголовые: все о скинхедах: Эксклюзивные материалы. М., 2002. 176 с.

Беляев М. Речь Члена ЦК НДП Михаила Беляева на РМ (непроизнесенная). [Электронный ресурс]. URL: <http://ruspartia.livejournal.com/593564.html> (дата обращения: 15.11.2013).

Галтунг Д. Культурное насилие // Социальные конфликты: Экспертиза. Прогнозирование. Технологии разрешения / РАН; Ин-т социологии; Центр конфликтологии; Юридический ин-т МВД России. М., 1995. Вып. 8: Насилие: тенденции и альтернативы С. 34–55.

Годелье М. Загадка дара; пер. с фр. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2007. 295 с.

Громов Д.В. Подростково-молодежные уличные группировки как объект этнографического исследования // Молодежные уличные группировки: введение в проблематику / сост. Д.В. Громов; отв. ред. Н.Л. Пушкирева. М.: ИЭА РАН, 2009а. С. 8–72.

Громов Д.В., Стивенсон С.А. Пацанские правила (на материалах московского региона, 1980-

2000-е годы) // Молодежные уличные группировки: введение в проблематику / сост. Д.В. Громов; отв. ред. Н.Л. Пушкирева. М.: ИЭА РАН, 2009б. С. 94–123.

Дугин А.Г. Метафизика национал-большевизма. [Электронный ресурс]. URL: www.arcto.ru/article/73 (дата обращения: 15.11.2013).

Левикова С.И. Неформальная молодежная субкультура. М.: Вузовская книга, 2010. 616 с.

Липовецкий М., Броймерс Б. Перформансы насилия: Литературные и театральные эксперименты «новой драмы». М.: Новое литературное обозрение, 2012. 376 с.

Лич Э. Структурное исследование мифа и тотемизма // Антология исследований культуры: Интерпретации культуры: 2-е изд. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 591–502.

Тор В. Русский марш. [Электронный ресурс]. URL: <http://tor85.livejournal.com/2481552.html> (дата обращения: 15.11.2013).

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности; пер. с англ. М.: АСТ, 1998. 672 с.

Чибисова О.В. Молодежные суб- и контркультуры // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 6. С. 280–283.

Шнирельман В.А. «Чистильщики московских улиц»: скинхеды, СМИ и общественное мнение. М.: Academia, 2010. 164 с.

Штернберг А. Нежданный никем Аватара. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.arctogaia.org.ru/article/742> (дата обращения: 15.11.2013).

Щепанская Т.Б. Зоны насилия (по материалам русской сельской и современных субкультурных традиций) // Антропология насилия / отв. ред. В.В. Бочаров, В.А. Тишков. СПб.: Наука, 2001. С. 115–177.

Щепанская Т.Б. Молодежные сообщества // Современный городской фольклор / Росс. гос. гуманит. ун-т. М., 2003. С. 34–85.

SUBCULTURE AND VIOLENCE: FROM AGGRESSION TO DESTRUCTIVENESS

Ilya U. Rogotnev

Senior Lecturer of Russian Literature Department
Perm State National Research University

The paper analyses the interaction between violence and symbolic traditions of youth subcultures. Violence is regarded as a multilevel phenomenon which is to be culturally and subjectively examined. Based on comparative analysis of several subcultures we come to the conclusion that violence is connected with two different behavior patterns – aggression and destructiveness.

Key words: subculture; violence; youth; ideology.